

Надежда Чародейская

Невеста
по контракту
для чужого мужа

18+

Надежда Чародейская

Невеста по контракту для чужого мужа

<https://litres.ru/74097951>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — модель, "проданная с аукциона". Он — ледяной миллиардер, покупающий её, чтобы спасти другую. Их брак — фикция. Их чувства — смертельная опасность.

Виктория Громова соглашается стать женой Дмитрия Воронцова ради денег на операцию отца. Но вместо простого контракта она получает билет в ад: её муж — монстр, её свекровь — убийца, а её прошлое — оружие против неё самой.

Когда Вика узнаёт, что её семья — центр векового заговора, а Дмитрий — не просто враг, а единственный, кто может её спасти, она бросает вызов всем: мафии, матери-злодейке, бывшей наставнице. Но как остаться в живых, когда каждый твой шаг — часть чужой игры?

Взрывная смесь страсти, предательства и опасных тайн. Если ты думала, что знаешь, что такое любовь, — ты ошибалась.

Эта книга — только начало. Вторая часть уже готовится.

Содержание

Глава 1. Лот №37	4
Глава 2. Дом, который построил дьявол	16
Глава 3. Свадебное платье	24
Глава 4. В клетке с тигром	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Невеста по контракту для чужого мужа

Глава 1. Лот №37

Хрусталь звенел о мрамор, и этот звук резал слух, как осколок стекла. Зимний бал «Аркадия» — ежегодный съезд сильных мира сего, где шампанское лилось рекой, а совесть растворялась в дыме сигар. Я стояла на возвышении в центре зала, и свет софитов жег кожу даже сквозь тонкий шелк платья. Ведущий, лысеющий мужчина с фальшивой улыбкой, вещал в микрофон:

— Лот номер тридцать семь! Виктория Громова. Двадцать пять лет. Красный диплом МГУ по специальности «Международные отношения», абсолютный слух и, как вы уже видите, безупречные внешние данные!

Я сжала пальцы в кулак так, что ногти впились в ладонь. Улыбайся. Просто улыбайся. Отцу нужна операция. Пять миллионов долларов. Это просто работа. Я модель, а сегодня мое тело — просто выставочный образец, как антикварная ваза или породистая кобыла. Благотворительный аукци-

он «Свидание со звездой», так это называлось в приглашениях. Ложь. Мы все знали, что это за «свидания».

Торги шли вяло. Мужчины с брюшками и сальными взглядами накидывали по сто тысяч, обсуждая меня так, будто я не слышу. «Ноги длинные, сойдет». «Грудь маловата, но лицо красивое». Моя менеджер Оксана, стоявшая за кулисами, шептала в наушник: «Терпи, Вика. Еще чуть-чуть. Еще пара ставок, и нужная сумма наберется».

А потом грянул гром.

Задние ряды расступились, как море перед Моисеем. Он поднялся с кресла не спеша, и весь зал замер, затаив дыхание. Черный костюм сидел на нем так, будто спит из самой ночи — ни единой складки, ни единого изъяна. Белая рубашка, расстегнутая на две пуговицы, открывала смуглую кожу и намеки на рельефные мышцы. Свет люстры дрогнул, отразившись в глазах стального цвета — холодных, как лезвие ножа, и таких же опасных. Дмитрий Сергеевич Воронцов. Человек, чье имя произносили шепотом, потому что даже стены имели уши, а уши эти принадлежали ему.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на ведущего, и тот мгновенно вспотел, промокнул лоб платком.

— Полтора миллиона, — голос тихий, почти ленивый, но его слышали все до единого.

Зал ахнул. Полтора миллиона долларов за эскортницу? За одну ночь? Это безумие. Это сумма, ради которой люди убивают, а тут — просто поднятая рука, небрежный жест, как будто он покупал не женщину, а пачку сигарет.

Толстяк в первом ряду, владелец сети автосалонов, нервно дернул головой и поднял табличку: «Два!»

Воронцов даже бровью не повел. Его губы дрогнули в ухмылке, и он бросил всего одно слово:

— Пять.

Пять миллионов долларов.

В зале стало так тихо, что я слышала собственное сердцебиение. Оно колотилось где-то в горле, грозя вырваться наружу. Я посмотрела на Оксану — та побелела как полотно, вцепившись в планшет. Она знала, кто это. Все знали. Воронцов не покупал женщин. Он их забирал. И никто никогда не слышал, чтобы он отпускал.

Молоток стукнул трижды. Меня продали.

Гости расступались, давая ему коридор. Он шел ко мне, и каждый его шаг отдавался у меня в висках. Высокий, широкоплечий, с хищной грацией пантеры, он двигался так, будто весь мир принадлежал ему. И, наверное, так оно и было. От него пахло дорогим деревом, виски и чем-то еще — свежим, холодным, как штормовой ветер перед грозой.

Он остановился в метре от меня, и я наконец увидела его лицо вблизи. Твердый подбородок, острые скулы, тонкий шрам над левой бровью — едва заметный, но придающий лицу опасную, пиратскую привлекательность. И глаза. Боже, эти глаза. Серые, как грозовое небо, они смотрели сквозь меня, словно я уже была не человеком, а строчкой в его бухгалтерской книге.

Он взял меня за запястье — не нежно, не грубо, а так, будто проверял пульс. Его пальцы были горячими, и от этого прикосновения по коже побежали мурашки.

— У тебя десять минут, чтобы попрощаться с агентом, — сказал он, глядя поверх моей головы. Голос низкий, с хрипотцой, как будто он много курил или мало спал. — Потом мы едем домой.

— Домой? — я выдохнула это слово, чувствуя, как земля

уходит из-под ног. — Мы даже не знакомы.

Он наклонился к моему уху. Его дыхание обожгло шею, и я дернулась, но он держал крепко, не давая отстраниться.

— Знакомство — это привилегия, Виктория. Ты — контракт. Я — подпись. Остальное не важно. Иди.

— Зачем я вам? — спросила я, почти не дыша. — Просто объясните. Я имею право знать.

Он усмехнулся. Улыбка вышла хищной, обнажив ровные белые зубы, но в глубине стальных глаз я увидела такое, что у меня свело живот. Тоску. Черную, бездонную, как омут, в котором тонут.

— Ты нужна мне для фото, — бросил он, отпуская мое запястье. — Через три дня у меня свадьба. Ты будешь моей невестой на всех обложках, пока настоящая невеста не выйдет из комы.

Мир рухнул. Звуки зала стихли, свет померк, осталось только его лицо и эти слова, которые эхом отдавались в голове. Я — прикрытие. Живой манекен для обложек, пока его любимая спит в больнице, подключенная к аппаратам. Кукла, которую можно нарядить в белое платье и выставить на

всеобщее обозрение, чтобы никто не задавал лишних вопросов.

— А если я откажусь?

Он отпустил меня и выпрямился во весь рост — а был он выше меня почти на голову. Смерил взглядом, медленно, от туфель до макушки, раздевая до костей. Я физически ощутила этот взгляд, как прикосновение холодных пальцев.

— Твой отец умрет через две недели, — сказал он буднично, словно обсуждал погоду. — Я проверил. Скажешь «нет» — я куплю клинику, где он лежит, и закрою ее на ремонт. Врачи уйдут. Оборудование вывезут. Твой отец умрет в коридоре, пока санитары будут паковать вещи. Выбор, Виктория, за тобой.

Мне стало холодно. По-настоящему холодно, как будто кто-то выключил отопление во всем мире. Он знал об отце. Знал о клинике. Знал, на что я готова пойти ради единственного родного человека. Этот мужчина держал в руках не только мою жизнь, но и жизнь моего отца, и ему ничего не стоило раздавить обе.

Он протянул руку ладонью вверх. Ждал.

Я смотрела на эту руку — сильную, с длинными пальцами и дорогими часами на запястье — и понимала, что стою на краю. Если я возьму ее, пути назад не будет. Его мир — это клетка с золотыми прутьями. Но в моей груди что-то дрогнуло. Может, это был адреналин, а может — то самое предчувствие, о котором пишут в книгах. Шепот судьбы, который говорил: этот холодный дьявол носит в себе ад, и только ты сможешь его согреть.

Я вложила свою ладонь в его.

— По рукам, господин Воронцов, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. Мой голос не дрожал, и это была моя первая маленькая победа. — Но запомните: я не просто ваша тень. Я — та, что приносит грозу.

Его пальцы сжались вокруг моей ладони, и на секунду мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. А может, и нет. Может, мне просто хотелось это увидеть.

— Гроза мне по душе, — ответил он. — Пошли.

Он потянул меня за собой, и зал расступился окончательно, как будто мы были зачумленными. Я шла за ним, спотыкаясь на каблуках, чувствуя спиной десятки любопытных и

завистливых взглядов. Оксана что-то кричала мне вслед, но я не оборачивалась. Уже не имело смысла.

Коридор был длинным, устланным красной дорожкой. Мы миновали анфиладу зеркал, и я мельком увидела наше отражение: он — высокий, темный, хищный; я — бледная, с огромными глазами и разметавшимися по плечам волосами. Красивая пара. Идеальная ложь.

У лифта он остановился и нажал кнопку вызова. Я стояла рядом, чувствуя, как колотится сердце где-то у самого горла.

— Можно вопрос? — мой голос прозвучал глухо.

— Ты уже спрашиваешь. — Он даже не посмотрел на меня.

— Почему именно я? В зале было полно женщин, которые с радостью согласились бы на ваши условия.

Двери лифта открылись с мягким звоном. Воронцов шагнул внутрь и, не оборачиваясь, бросил:

— Потому что ты похожа на нее. Заходи.

Похожа на нее. На женщину, которая лежит в коме. На его

настоящую невесту. Я зашла в лифт, чувствуя, как внутри закипает гнев пополам с обидой. Значит, я — всего лишь копия. Дешевая репродукция шедевра.

Двери закрылись, отрезая нас от внешнего мира. Воронцов нажал на кнопку подземного этажа, но через секунду, передумав, ударил ладонью по кнопке «Стоп».

Лифт дернулся и замер между этажами.

Я вжалась спиной в зеркальную стену, когда он шагнул ко мне. Два шага — и он уже стоял вплотную, упираясь руками в зеркало по обе стороны от моей головы. Клетка. Я в клетке.

— Ты слишком дерзкая для девочки по вызову, — выдохнул он, и я почувствовала запах виски на его дыхании. Не противный, перегарный, а дорогой, с нотками торфа и дуба.

— А вы слишком нервный для человека, у которого всё под контролем, — ответила я, заставляя себя не отводить взгляд.

Его губы дрогнули — то ли усмешка, то ли раздражение. Он скользнул рукой по моей талии, и от этого прикосновения у меня перехватило дыхание. Не от страха — от чего-то другого, чему я не хотела давать названия.

— Дай угадаю, — его голос стал ниже, интимнее, как будто мы были любовниками, а не чужими людьми, заключившими сделку. — У тебя есть условие?

— Есть. — Я заставила себя улыбнуться, хотя губы дрожали. — Я сплю в отдельной кровати.

Воронцов засмеялся. Впервые за вечер. По-настоящему, громко, запрокинув голову. Его смех был низким, рокошующим, и от него почему-то становилось тепло.

— Милая, — прошептал он, наклоняясь к самому моему уху, так что его губы почти касались мочки. — В этом браке я буду спать только с тобой.

Я замерла, перестав дышать.

— Потому что я не хочу детей от женщины, которая умирает, — продолжил он, и его голос стал жестким, как сталь. — Мне нужен наследник. И ты родишь его мне.

В моей голове что-то взорвалось. Наследник? Ребенок? Он покупал не только жену для обложек — он покупал инкубатор. Машину для производства потомства. Я открыла рот, чтобы ответить, но он резко отстранился и ударил по кнопке.

Лифт плавно поехал вниз.

— У тебя есть месяц, чтобы привыкнуть к этой мысли,
— бросил он, глядя на меня в отражении зеркальной двери.
— А потом мы начнем работать над наследником. И поверь,
Виктория, я всегда получаю то, что хочу.

Двери открылись, и в лицо ударил холодный воздух подземной парковки.

— Добро пожаловать в ад, — сказал он и вышел первым.

Я шла за ним, чувствуя, как внутри закипает смесь страха и ярости. Он думает, что купил послушную куклу. Он думает, что я буду молчать и улыбаться, пока он вытирает об меня ноги. Он думает, что я сломаюсь.

Он ошибается.

Я — Виктория Громова. Я выросла в районе, где девочки с такими лицами редко доживали до совершеннолетия. Я вытащила отца из долговой ямы и сама заработала на свое образование. Я не ломаюсь. Я гнусь, но всегда возвращаюсь в исходное положение, как стальная пружина.

И если ему нужен наследник — он его получит. Но вместе с наследником он получит жену, которую никогда не сможет забыть.

Глава 2. Дом, который построил дьявол

Поместье Воронцова находилось в тридцати километрах от Москвы по Рублевскому шоссе, но мы ехали почти час — за окнами внедорожника проносились заснеженные леса, а потом дорога свернула на частную территорию, огороженную трехметровым забором. Камеры, колючая проволока, будка охраны, больше похожая на блокпост. Я смотрела на все это и чувствовала, как внутри растет тревога.

— Боишься, что не сбежишь? — Воронцов сидел рядом, расслабленно откинувшись на кожаное сиденье, и листал что-то в телефоне. Даже не глядя на меня, он угадал мои мысли.

— Боюсь, что здесь слишком много охраны для одного человека, — ответила я. — От кого вы прячетесь?

— От врагов. — Он наконец поднял глаза. — У таких людей, как я, много врагов, Виктория. Скоро ты узнаешь.

Машина остановилась перед домом, и я невольно задер-

жала дыхание. Это был не дом — это был дворец. Трехэтажный особняк из белого камня с колоннами и огромными панорамными окнами, которые сейчас светились теплым желтым светом. Парадный вход украшала арка, увитая замерзшим плющом, а над ней возвышался герб — два волка, держащие щит. Фамильный герб Воронцовых, как я позже узнала.

— Выходи, — скомандовал он и первым выбрался из машины.

На крыльце нас уже ждали. Высокий мужчина в строгом костюме — очевидно, управляющий — и несколько человек прислуги. Я заметила, как они смотрят на меня: с любопытством, настороженностью и откровенным недоумением.

— Дмитрий Сергеевич, — управляющий шагнул вперед, — все готово, как вы приказали. Комната для гостыи...

— Для хозяйки, — перебил его Воронцов жестко. — Это моя невеста, Виктория Андреевна Громова. Запомните это.

Управляющий побледнел и быстро закивал:

— Прошу прощения. Комната для Виктории Андреевны готова. Ужин накрыт в малой столовой.

— Отлично.

Воронцов взял меня за локоть и повел внутрь. Холл был огромным — с мраморным полом, хрустальной люстрой размером с автомобиль и парадной лестницей, уходящей вверх двумя изогнутыми крыльями. Пахло деревом, дорогими духами и чуть-чуть — пылью, как будто дом давно не проветривали.

— Ваша комната на втором этаже, — бросил он, отпуская мой локоть. — Елена покажет. Приведи себя в порядок, через час ужин. Не опаздывай. Я не люблю, когда опаздывают.

— А вы? — спросила я, не удержавшись. — Где ваша комната?

Он обернулся уже на ступеньках и посмотрел на меня с тем самым выражением, которое я начинала ненавидеть, — как на забавную зверушку.

— Я сплю на третьем этаже. Один. Пока что.

И ушел, не попрощавшись.

«Пока что». Это слово повисло в воздухе, как обещание

или угроза.

Елена — миловидная женщина лет сорока в форме горничной — проводила меня в мою комнату, и я едва не ахнула. Это была не комната — это были апартаменты. Огромная кровать с балдахином, гардеробная, отдельная ванная с джакузи, балкон с видом на заснеженный сад. На кровати лежал шелковый халат, а в гардеробной висели платья — десятки платьев всех цветов и фасонов, с бирками, которые я даже не решалась прочесть.

— Если что-то понадобится, нажмите кнопку на стене, — сказала Елена, стоя в дверях. — Дмитрий Сергеевич просил передать, что завтра утром приедет портниха для примерки свадебного платья.

— Свадебного, — повторила я, как во сне.

— Да. Через три дня церемония.

Она вышла, прикрыв за собой дверь, и я осталась одна. Опустилась на край кровати и закрыла лицо руками. Через три дня я стану женой человека, которого знаю всего несколько часов. Человека, который купил меня на аукционе. Человека, который хочет использовать мое тело как инкубатор, а мое лицо — как прикрытие для своей настоящей

любви.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Да, я действительно была похожа на кого-то. На женщину, которая сейчас лежит в коме. На женщину, которую любит Воронцов. Интересно, как ее зовут? И что с ней случилось?

Я тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Мне нельзя думать о ней. Мне нельзя думать о нем. Мне нужно помнить только об одном — об отце. Пять миллионов уже переведены на счет клиники. Операция состоится завтра утром. Ради этого я здесь. Ради этого я готова терпеть все.

В дверь постучали ровно через час. Елена проводила меня в малую столовую — на самом деле, она была размером с мой бывший спортзал. Длинный стол, уставленный серебром и хрусталем, и Воронцов во главе. Он переоделся — теперь на нем был темно-синий свитер с высоким горлом, который делал его моложе и... человечнее, что ли. Перед ним стоял бокал с янтарной жидкостью, и он медленно вращал его в пальцах, глядя на меня.

— Садись. — Он кивнул на стул по правую руку от себя.

Я села. Служанка налила мне вина — красного, терпкого, — и я сделала глоток, чтобы унять дрожь в пальцах.

— Расскажи о себе, — неожиданно сказал Воронцов.

— Вы уже все знаете, — я пожала плечами. — Наверняка навели справки.

— Да. — Он не стал отрицать. — Виктория Андреевна Громова, двадцать пять лет. Мать умерла при родах, отец — инженер, в прошлом году диагностировали опухоль. Ты училась на бюджете, подрабатывала моделью, чтобы оплачивать лечение. Долгов нет, судимостей нет, скандалов нет. Ты чиста, как стеклышко. Это хорошо.

— Рада, что прошла проверку, — сказала я с иронией.

— Не проходила, — он поставил бокал на стол и посмотрел на меня в упор. — Я не проверяю людей, Виктория. Я их изучаю. Знаешь разницу?

— Нет. Расскажите.

Он усмехнулся — на этот раз почти по-человечески.

— Проверка — это отчет на бумаге. Изучение — это понимание мотивов. Я знаю, что ты не предашь меня, потому что любишь отца. Я знаю, что ты не попытаешься сбежать,

потому что я единственный, кто может его спасти. И я знаю, что ты будешь сопротивляться, потому что у тебя есть гордость. Мне это нравится.

— А что еще вам нравится? — спросила я, не удержавшись.

— Когда мне не врут. Когда не пытаются манипулировать. Когда играют честно. — Он поднял бокал. — Выпьем за честную игру?

Я подняла свой бокал и чокнулась с ним. Звон хрусталя разнесся по комнате, как предупредительный выстрел.

— Тогда и я хочу честности, — сказала я, глядя ему в глаза. — Кто она? Та, из-за которой я здесь?

Улыбка исчезла с его лица. Он поставил бокал так резко, что вино выплеснулось на скатерть, но никто из прислуги не двинулся с места.

— Ее зовут Анна, — сказал он глухо. — Анна Соболева. Мы должны были пожениться в этом году. Три месяца назад она попала в аварию. С тех пор — кома.

— Мне жаль, — сказала я искренне.

— Не надо. — Он резко встал из-за стола. — Жалость мне не нужна. Мне нужен спектакль. Свадьба, фотографии в прессе, счастливое лицо. Акционеры должны верить, что Воронцов стабилен, что у него все хорошо. Если они узнают, что моя невеста при смерти, начнется паника. Курс акций упадет. Совет директоров попытается меня сместить. Этого не будет.

— То есть я — страховка от финансового краха?

— Ты — решение проблемы. — Он остановился у двери.
— Завтра утром портниха. Будь готова в девять.

И ушел.

Я сидела одна за огромным столом, вертела в пальцах бокал и думала о женщине по имени Анна. О том, как она выглядит. О том, похожи ли мы на самом деле. О том, что будет, если она выйдет из комы.

И еще я думала о том, что Воронцов только что впервые посмотрел на меня как на человека, а не как на вещь. И это пугало больше, чем его угрозы.

Глава 3. Свадебное платье

Утро началось с резкого стука в дверь. Я подскочила на кровати, не сразу сообразив, где нахожусь. Белые стены, шелковые простыни, запах дорогих духов и чужого дома. Ах да. Я — невеста по контракту. Собственность Дмитрия Воронцова.

— Войдите!

Дверь распахнулась, и в комнату вплыла женщина, которую я немедленно окрестила про себя «железной леди». Высокая, худая, с пучком седых волос на затылке и сантиметром в руках. За ней следовали две ассистентки с ворохом белой ткани.

— Доброе утро, Виктория Андреевна, — произнесла она тоном, не предполагающим ответа. — Я — мадам Дюбуа, ваш свадебный стилист. Дмитрий Сергеевич просил, чтобы платье было готово через два дня. Встаньте, пожалуйста, и разденьтесь до белья.

— Сразу к делу, да? — пробормотала я, выбираясь из постели.

— Я не люблю терять время. И вам не советую.

Следующие два часа превратились в бесконечную череду примерок, булавок и вздохов мадам Дюбуа, которая, кажется, была недовольна всем — моей фигурой, моей осанкой, моим цветом лица. Она драпировала меня тканями, закалывала, распускала, снова закалывала, пока я не превратилась в облако из шелка и кружева.

— Вот, — сказала она наконец, отступая на шаг. — Это подойдет.

Я посмотрела в зеркало и замерла.

Платье было прекрасным. Белый шелк струился до пола, расшитый серебряной нитью, которая на свету переливалась, как иней. Лиф был отделан тончайшим кружевом, а шлейф — длинный, королевский — тянулся за мной на добрых два метра. Я выглядела как принцесса из сказки. Или как жертва, которую ведут на заклание.

— Снимите это, — сказала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Пожалуйста. Я хочу переговорить с господином Воронцовым.

— Дмитрий Сергеевич в своем кабинете, — мадам Дюбуа поджала губы. — Но не думаю, что он будет рад...

— Я сама разберусь.

Я скинула платье, натянула джинсы и свитер и вышла в коридор, не слушая возражений. Третий этаж, сказала Елена. Я поднималась по лестнице, и каждый шаг отдавался в висках. Я не знала, что скажу ему, но я не могла молчать. Не могла просто надеть это платье и пойти к алтарю, как овца на бойню.

Дверь кабинета была приоткрыта. Я занесла руку, чтобы постучать, но услышала его голос и замерла.

— ...нет, не приходит в сознание. Врачи говорят, шансов все меньше. Да, я понимаю. Но я не могу ждать вечно. Мне нужен наследник. Ты знаешь условия завещания.

Пауза. Затем — его смех, горький и резкий.

— Анна? Нет, она не узнает. Даже если очнется. Для нее я просто женился на другой. Она никогда не узнает, что это все из-за отца. Из-за его проклятого завещания.

Я отшатнулась от двери, чувствуя, как сердце ухает ку-

да-то вниз. Завещание? Наследник? Значит, дело не только в акционерах и курсе акций. Есть что-то еще. Что-то, что заставляет его жениться на незнакомке и требовать ребенка.

Я на цыпочках отошла от двери и вернулась в свою комнату. Мысли неслись галопом. Что за завещание? Кто звонил? И почему он сказал, что Анна «не узнает»? Значит, она может очнуться? И что тогда будет со мной?

Я села на кровать и обхватила голову руками. Мне нужно было больше информации. Нужно было понять, в какую игру я ввязалась на самом деле. Потому что пахло здесь не просто фиктивным браком. Пахло чем-то опасным.

В дверь снова постучали. На этот раз это была Елена.

— Виктория Андреевна, Дмитрий Сергеевич просит вас спуститься в библиотеку. У него к вам разговор.

Я кивнула и пошла за ней, чувствуя, как внутри все сжимается от дурного предчувствия.

Библиотека находилась на первом этаже. Высокие стеллажи, уставленные книгами в кожаных переплетах, камин, в котором потрескивал огонь, и Воронцов, стоящий у окна спиной ко мне. Когда я вошла, он обернулся, и его лицо бы-

ло каменным.

— Ты была у моего кабинета, — сказал он без предисловий. — Я видел тень под дверью. Что ты слышала?

Я замерла. Врать не имело смысла.

— Слышала, что есть какое-то завещание. И что вам нужен наследник не только из-за акций.

Он долго смотрел на меня. В камине треснуло полено, выбросив сноп искр.

— Садись, — сказал он наконец, указывая на кресло у огня. — Раз уж ты часть этой игры, ты должна знать правила.

Я села. Он остался стоять, опершись локтем о каминную полку. Тени плясали на его лице, делая его похожим на демона из старых легенд.

— Мой отец умер два года назад, — начал он глухо. — Оставил завещание. Я получу контрольный пакет акций «Воронцов Групп» только при одном условии: к тридцати пяти годам я должен быть женат и иметь наследника. Если нет — компания переходит к совету директоров, а я остаюсь ни с чем.

— Но вам же... — я быстро посчитала в уме. — Тридцать четыре?

— Через три месяца — тридцать пять, — подтвердил он. — Анна должна была стать моей женой. Мы планировали свадьбу, планировали ребенка. А потом случилась авария. Теперь она в коме, врачи не дают гарантий, что она очнется. А я не могу ждать. У меня нет времени.

— И вы купили меня, — сказала я тихо.

— Я купил решение, — он смотрел мне прямо в глаза. — Ты родишь мне ребенка, Виктория. Это не обсуждается. Взамен ты получишь свободу, деньги и гарантию, что твой отец будет жить. Через год брак можно расторгнуть. Если Анна очнется... мы решим этот вопрос отдельно.

— А если я не смогу? Если не получится?

Он помолчал.

— Тогда мой отец победит меня из могилы. А я не могу этого допустить.

Я смотрела на него, и впервые за все время мне стало его

жаль. По-настоящему жаль. Этот человек был заложником обстоятельств, так же как и я. Его отец связал его по рукам и ногам чудовищным условием, и теперь он пытался выкарабкаться, хватаясь за любую соломинку.

— Хорошо, — сказала я. — Я рожу вам наследника. Но у меня тоже есть условия.

— Какие? — он изогнул бровь.

— Первое: мой отец получает лучшее лечение до полного выздоровления. Второе: я хочу знать все. Никаких секретов от меня. Если есть опасность, если есть враги, если Анна может очнуться — я должна знать. Третье: когда все закончится, я получу развод и достаточно денег, чтобы начать новую жизнь. И четвертое...

Я сделала паузу, собираясь с духом.

— Четвертое: вы не будете прикасаться ко мне, пока я сама этого не захочу.

Он долго смотрел на меня. В камине догорало полено.

— Первое — да. Второе — да, в разумных пределах. Третье — да. А четвертое... — Он вдруг отошел от камина и

шагнул ко мне. Остановился вплотную, наклонился, упираясь руками в подлокотники кресла, так что я оказалась в ловушке. — Ты уверена, что сама этого не захочешь?

— Уверена, — сказала я, хотя голос дрогнул.

— Посмотрим.

Он выпрямился и направился к двери.

— Завтра в десять утра машина отвезет тебя в больницу к отцу. Это твой последний визит перед свадьбой. Используй его с умом.

И ушел.

Я осталась сидеть у камина, глядя в огонь. Последний визит перед свадьбой. Перед тем, как я стану женой человека с ледяными глазами и дьявольской фамилией. Перед тем, как начнется игра, в которой я либо выиграю, либо потеряю все.

За окном падал снег, заметая дорожки поместья. Москва готовилась к Новому году. А я готовилась к тому, что моя жизнь никогда не будет прежней.

Глава 4. В клетке с тигром

Больница встретила запахом лекарств и безнадежности.

Я шла по коридору, сжимая в руке пропуск, выписанный Воронцовым, и считала шаги. Сто двадцать семь от входа до отдельной палаты, где лежал отец. Позади бесшумно следовал охранник — мрачный мужчина с квадратной челюстью, которого Воронцов приставил ко мне «для безопасности». Я не протестовала. Спорить с Дмитрием Сергеевичем было все равно что биться головой о бетонную стену — больно и бессмысленно.

Отец лежал у окна, подключенный к капельнице. Когда я вошла, он повернул голову, и его лицо осветилось улыбкой — бледной, слабой, но такой родной, что у меня защипало в глазах.

— Вика, — прошептал он. — Девочка моя.

— Папа.

Я опустилась на стул рядом с кроватью и взяла его руку — сухую, горячую, с выступившими венами. Еще месяц назад

он был крепким мужчиной, мог поднять шкаф в одиночку и смеялся так, что звенели стекла. Теперь от него осталась тень. Опухоль пожирала его изнутри, и только операция могла спасти.

— Мне сказали, завтра операция, — он погладил мою ладонь. — Откуда деньги, дочка? Ты же говорила, что не хватает.

— Нашелся спонсор, — я постаралась улыбнуться. — Благотворительный фонд. Ты же знаешь, как бывает.

— Врешь, — он посмотрел на меня своими выцветшими голубыми глазами, и я поняла, что не могу обмануть его. Отец всегда видел меня насквозь. — Что ты сделала, Вика?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.